

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ КАТЕГОРИЙ «ВИНА» И «ЦЕЛЬ» ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Рассматриваются проблемы соотношения категорий «вина» и «цель» преступления, в частности вопросы зависимости вида умысла от цели, которую желает достичь лицо в результате совершения преступления. Анализируются точки зрения, высказанные по данному поводу в уголовно-правовой литературе. На основе проведенного исследования сформулирована собственная позиция относительно изучаемого вопроса, высказаны предложения по совершенствованию практики квалификации преступлений.

Ключевые слова: субъективная сторона преступления; вина; умысел; цель преступления.

В структуре психологического отражения преступления цель не существует изолированно. Напротив, она находится в постоянном непрерывном взаимодействии с другими признаками субъективной стороны преступления. Любые попытки обособить цель, придать ей независимое значение являются непродуктивными. Только оценив взаимодействие этих элементов, можно сделать правильный вывод о той роли, которую играет цель в механизме формирования любого поведения, в том числе и преступного.

Как известно, основным признаком субъективной стороны преступления является вина. Законодатель справедливо признал ее необходимым условием уголовной ответственности. Закрепив в ст. 5 УК РФ принцип вины, он тем самым подчеркнул, что российское уголовное право предполагает исключительно субъективное вменение.

Говоря о соотношении вины и цели, стоит отметить, что в теории уголовного права можно встретить два подхода к решению этого вопроса. Сторонники первого утверждают, что цель входит в содержание вины, является ее структурным компонентом. Например, П.С. Дагель и Д.П. Котов пишут, что цель (наряду с мотивом и эмоциями) является необходимым компонентом психического отношения, составляющего вину [1. С. 41, 42, 45]. В обосновании этого они приводят тезис С.Л. Рубинштейна о том, что «всякое действие человека исходит из тех или иных мотивов и направлено на определенную цель: оно разрешает ту или иную задачу и выражает определенное отношение человека к окружающему» [2. С. 21].

В том же ключе высказывается и Ю.А. Красиков: «В законодательной формулировке форм вины нет упоминания о мотиве, цели и эмоциях. Однако это не означает, что они не входят в содержание вины. Эти компоненты присущи любому поведению человека. Мотив, цель и эмоции, характеризуя психическую деятельность виновного, входят в субъективную сторону преступления через умысел и неосторожность» [3. С. 68–69].

Поддерживает такой подход и О.Д. Ситковская: «...понятия умысла и неосторожности обязательно включают в качестве системообразующих элементов мотив и цель. Умысел – это стремление, желание достичь определенного результата. Без указания на цель и мотив это понятие утрачивает предметность. Сказанное, хотя и в ином ключе, можно повторить и применительно к неосторожности. Ведь ответственность за нее с точки зрения принципов вины и справедливости предполагается за целенаправленное и мотивированное поведение, которое причинило вред, пусть даже неожиданный для виновного» [4. С. 32].

Данная точка зрения была подвергнута достаточно серьезной критике, особенно со стороны А.И. Рарога. В частности, им было указано на определенную логическую непоследовательность вышеизложенной концепции П.С. Дагеля: в одном месте мотив и цель преступления, являясь признаками состава преступления, характеризующими вину, были поставлены на один уровень с умыслом и неосторожностью, а чуть ниже, при анализе содержания конкретных форм вины, они (мотив и цель) были поставлены в один ряд с сознанием и волей. «Следовательно, – пишет А.И. Рарог, – концепция П.С. Дагеля создает противоречивую ситуацию, при которой в одном случае мотив и цель рассматриваются как признаки, характеризующие вину наряду с умыслом и неосторожностью, а в другом – являются элементами самого психического отношения субъекта, элементами самого умысла» [5. С. 632].

Авторы, демонстрирующие второй подход, считают, что в структуре субъективной стороны преступления необходимо различать вину как основной ее признак и иные психологические элементы – цель, мотив, эмоции – как факультативные признаки. Такая точка зрения в настоящее время получила большее признание. Как указывает А.И. Рарог, такое соотношение может быть объяснено, во-первых, законодательным подходом к определению сущности и форм вины, которая рассматривается как родовое понятие умысла и неосторожности и не включает в себя никаких иных психологических моментов; во-вторых, большей ясностью в решении вопросов о форме вины, поскольку включение в содержание вины наряду с умыслом и неосторожностью также мотива, цели, эмоций... вносит путаницу в решение данного вопроса и лишает эти признаки самостоятельного значения как признаков субъективной стороны, хотя в законе такое значение им в некоторых случаях придается [5. С. 631–632].

По мнению Г.Ф. Цельникера, категория «цель» не является стабильной категорией, так как представления законодателя о ней могут меняться, сама она толкуется неоднозначно и даже излишне широко. При совершении правонарушения цель может преобразоваться, отклониться от первоначально поставленной. Кроме того, при совершении некоторых правонарушений, как правило с неосторожной формой вины, цель (и мотив) с отрицательным содержанием отсутствует в принципе. То есть вина есть, а цели (и мотива) совершения противоправного деяния нет.

Для установления вины совершенно не важно, что являлось побудительным фактором, мотивом или целью совершения противоправного деяния, гораздо важнее выяснить, осознавал ли субъект противоправ-

ность своих действий, было ли его деяние результатом свободного волеизъявления. Таким образом, будучи обязательным элементом субъективной стороны правонарушения, вина не может включать в себя необязательные и нестабильные компоненты, основываться на оценочных категориях, ибо неизбежно сама как целое приобретет свойства своих составных частей, что крайне затруднит практическое применение института юридической ответственности. Отсюда можно сделать вывод о том, что вина и цель (как и мотив) – это разные элементы субъективной стороны правонарушения [6. С. 17–18].

На наш взгляд, цель и вина, безусловно, представляют две самостоятельные категории, хотя отрицать их взаимосвязь и взаимозависимость было бы неправильным. Цели (наряду с мотивами) выступают тем внутренним фундаментом, на котором в дальнейшем возникает вина. Можно сказать, что цели появляются еще до момента проявления преступного поведения и остаются непреступными, незначимыми для уголовного права до тех пор, пока субъект не начнет выполнять общественно опасные действия, направленные на их достижение. Вина, в свою очередь, имманентно присуща преступлению. Ее невозможно обнаружить вне конкретного деяния, «как уголовно-правовое явление она возникает и проявляется лишь в момент совершения преступления» [5. С. 636].

Однако говорить о том, что цель «лежит вне сферы интеллекта и воли как элемента вины» [Там же] было бы неправильно. В частности, анализ законодательной формулировки прямого умысла, а также теоретические подходы к его определению позволяют рассмотреть в нем целевую направленность.

Уже в ранних советских работах по уголовному праву прямой умысел определялся, в том числе, и через понятие «цель». Например, Э.Я. Немировский писал, что прямой умысел (*dolus directus*) имеет место, «когда преступник направляет свою волю на преступный результат, как на цель, или на необходимое средство для достижения другой цели» [7. С. 80, 83]. А.Я. Эстрин указывал, что «прямой умысел имеет место тогда, когда лицо преследует своими действиями цель добиться причинения именно этого последствия» [8. С. 66].

Встречаются подобные точки зрения и в более поздний период. В частности, В.Г. Макашвили считал, что «виновный причиняет общественно опасные последствия с прямым умыслом тогда, когда они являются непосредственной целью его действия (бездействия) или выступают как необходимое средство для достижения дальнейших целей» [9. С. 107]. П.С. Дагель и Д.П. Котов [1. С. 41], а также Р.И. Михеев сделали вывод, что «цель, заключающаяся в достижении преступного последствия, является признаком прямого умысла...» [10. С. 385].

Интересную точку зрения высказал Ф.Г. Гилязов: по его мнению, «...если цель является признаком состава преступления, то она становится элементом умысла... Если нет, то... составляет элемент самой психологической деятельности, на квалификацию не влияет, может иметь значение при индивидуализации наказания» [11. С. 49].

В свою очередь, А.И. Рагог [5. С. 748] и О.С. Капинус [12. С. 29] выступили с резкой критикой

такого подхода, указав на то, что в данном случае происходит неосновательное отождествление цели (субъективного признака) и преступных последствий (объективного признака).

На наш взгляд, отрицать целевую составляющую прямого умысла неправильно. Как мы помним, характерными чертами любой цели являются ее отражение в сознании, а также желательность для данного человека. А законодательная формулировка рассматриваемого вида умысла предусматривает, в том числе, предвидения неизбежности или реальной возможности наступления общественно опасных последствий и желание их наступления. Предвидение традиционно понимается как отражение в сознании того, что может или должно произойти в будущем. Применительно к общественно опасным последствиям это стоит понимать как идеальный образ того вреда, который будет причинен в результате деяния виновного. При прямом умисле «...предвидение включает представление о фактическом содержании предстоящих изменений в объекте преступления, понимание их социального значения, то есть вредности для охраняемых законом общественных отношений, а также осознание причинно-следственной зависимости между собственным деянием и его общественно опасными последствиями» [5. С. 663–664].

Что касается желания, то в литературе оно определяется как опредмеченное стремление. «Оно направлено на определенный предмет, зарождение желания означает всегда поэтому возникновение и постановку цели. Желание – это целенаправленное стремление» [2]. Еще Н.С. Таганцев отмечал, что «хотение как элемент умышленной вины предполагает... постановку цели» [13. Т. 1]. При этом желание не является одномоментным действием, напротив, это специфичный психологический процесс, проходящий в своем развитии определенные стадии: 1) ощущение определенной потребности; 2) превращение ее в побуждение к действию, т.е. в мотив преступления; 3) постановка цели, достижение которой должно прямо удовлетворять ощущаемую потребность или быть средством ее удовлетворения; 4) желание (хотение) достичь поставленной цели [5. С. 666].

Исходя из этого, можно сказать, что желание в прямом умисле должно восприниматься как стремление к определенным последствиям, которые понимаются субъектом необходимыми для удовлетворения существующей потребности. Таким образом, эти последствия на стадии формирования умысла могут быть отражены в сознании лица в качестве того, к чему оно стремится, совершая преступление, т.е. к конечной цели (например, причинение смерти из ревности), либо как некий промежуточный этап, средство, промежуточная цель, достижение которой способствует достижению иной цели (убийство с целью использовать органы и (или) ткани потерпевшего). Это совсем не значит, что цель и последствия являются одним и тем же – на стадии формирования умысла будущие результаты предстают в обобщенном, абстрактном виде, в котором они и отражаются в цели. На данном этапе они еще объективно отсутствуют, и именно в желании их достичь и проявляется цель. Когда же они наступают, человек пропускает их через свое сознание и делает вывод о достижении или недостиже-

нии цели, т.е. результат (последствия) выступают мерилем достижимости поставленных целей.

Учитывая вышеизложенное, можно сделать вывод, что прямому умыслу имманентно присуща цель, выражающаяся в желании достичь предвидимые результаты (общественно опасные последствия). Это подтверждается и практикой судов, которые, чтобы подчеркнуть именно прямой умысел в действиях виновного, указывают в приговорах, что он действовал с целью причинения последствий, являющихся составообразующими.

Что касается косвенного умысла, то его тоже часто определяли через цель действий виновного, однако подчеркивали, что она (цель) обычно находится за рамками вины и не связана с причинением тех последствий, которые указаны в норме закона. Например, Э.Я. Немировский писал, что косвенный умысел «...наличествует, когда преступный результат представляется не необходимым, а только возможным и не служит целью деяния, но субъект готов согласиться и на этот результат скорее, чем отказаться от деяния и преследуемой им цели» [7. С. 83]. У А.Я. Эстрина косвенный умысел имеет место тогда, «когда лицо избирает образ действий, заведомо для него приводящий к причинению данного последствия, имея целью добиться каких-либо других последствий, которые сами по себе могут и не иметь общественно-опасного характера» [8. С. 66].

Действительно, косвенный умысел связан с активностью субъекта, ориентированной на какую-то другую цель. И хотя формируется волевая направленность на достижение целевого результата, «она не составляет самостоятельного волевого элемента косвенного умысла» [11. С. 31]. Таким образом, представляется, что данный вид умысла по отношению к последствиям носит не целевой, а соглашающийся, допускающий характер.

Не менее значимым является вопрос о возможности совершения преступления, в состав которого входит специальная цель, с косвенным умыслом. Подавляющее большинство ученых отрицают это и говорят, что специальная цель деяния совместима только с прямым умыслом. Например, А.И. Рарог, обосновывая такую точку зрения, пишет: «Включение специальной цели в субъективную сторону конкретного преступления свидетельствует о целенаправленном характере деяния, которое в этом случае служит не самоцелью, а способом достижения того конечного результата, который и является целью. Этот результат, а также само деяние и его общественно опасные последствия, как способ достижения поставленной цели, являются для субъекта преступления желаемыми» [14. С. 115–116].

По нашему мнению, сторонники такого подхода в своей аргументации упускают из виду ряд моментов. Во-первых, с точки зрения психологии, любое осознанное, волевое действие является целенаправленным, т.е. совершается ради достижения какой-то цели. Игнорирование этого постулата может привести к мысли о том, что все деяния без «законодательно утвержденной» цели являются бесцельными, бессмысленными, что, конечно же, неправильно. Поэтому данное свойство (целенаправленность) присуще любому преступлению, независимо от того, указана в тексте закона специальная цель или нет.

Во-вторых, любое действие всегда является способом достижения какого-то результата, ранее обозначенного как цель. Даже если внешне кажется, что действие совершено ради самого себя, ради процесса, то все равно с точки зрения психологии можно рассмотреть какую-то особую цель, важную для субъекта. Например, если человек говорит, что играет в футбол ради самой игры, то можно предположить, что от этого он получает какое-то удовольствие, удовлетворение. Следовательно, на подсознательном уровне у него по отношению к данному процессу сформирована цель – получить удовольствие. Таким образом, вряд ли правильно говорить, что именно при наличии специально обозначенной цели действие превращается в средство ее достижения.

В-третьих, в способ достижения специально обозначенной цели вышеуказанные авторы автоматически включают и общественно опасные последствия, являющиеся обязательным признаком определенного состава преступления. Например, А.В. Наумов считает, что «цель, представляя собой тот результат, к которому стремится преступник, означает желание наступления тех последствий общественно опасного деяния, достижение которых причинно обуславливает осуществление этих целей» [15. С. 13]. То есть, по их мнению, включение в текст закона специальной цели предопределяет только один возможный вариант развития событий: деяние – следствие – цель. Однако, на наш взгляд, далеко не всегда определенные законом общественно опасные последствия причинно влекут за собой достижение субъектом тех целей, которые он ставил, начиная действовать. В некоторых ситуациях он, оценивая значимость поставленной цели, может согласиться с причинением некоего вреда, который никак не будет способствовать ее достижению. Можно говорить, что данный вред – это цена, которую субъект готов заплатить за получение необходимого ему результата.

В данном случае можно вспомнить о «целевом дереве», о существовании основных (главных) и промежуточных целей. Если лицо, поставив какую-то цель, считает, что на пути к ее достижению ему необходимы вполне определенные результаты (общественно опасные последствия), то эти результаты сами приобретают характер целей, становятся желаемыми для него и предопределяют направленность его действий, что характерно именно для прямого умысла. Если же достижение конечной цели опосредуется самим действием и предполагает возможность получения в процессе побочного, незначимого результата, то этот результат нельзя рассматривать как причинно обуславливающий достижение конечной цели. Кроме того, субъект может воспринимать возможные последствия своих действий неконкретно, без определения их качественных и количественных характеристик, одинаково относясь к любому из них. И в том и в другом случае по отношению к этим последствиям у действующего лица все равно проявляется элемент воли – они положительно воспринимаются сознанием субъекта, допускаются им, а это уже признаки косвенного умысла.

То есть можно говорить, что цель, являясь признаком именно действия, охватывает собой и любые его последствия, которые были позитивно отражены в психике виновного.

В-четвертых, конструкция «специальная цель – прямой умысел» предопределяет главенствующую роль в определении вида умысла исключительно законодателя. Получается, что в зависимости от того, включит он какую-либо цель в конкретный состав преступления или нет, будет решаться возможная форма вины, характерная для него. Например, до 1997 г. убийство, совершенное с целью использовать органы и (или) ткани потерпевшего, могло быть совершено с любым видом умысла,

а после – только с прямым?! На наш взгляд, вид умысла должен определяться не волей людей, которые пишут законы, а содержанием цели, возможностью ее достижения разными путями (средствами), необходимостью наступления конкретных последствий для ее достижения. Поэтому в каждом конкретном случае правоприменитель должен содержательно оценить содеянное, в том числе и цель деяния, а не механически опираться на спорную теоретическую концепцию.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Дагель П.С., Котов Д.П.* Субъективная сторона преступления и ее установление. Воронеж, 1974. 244 с.
2. *Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии. СПб., 2007. 720 с.
3. *Практический комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации* / Под общ. ред. Х.Д. Аликперова, Э.Ф. Побегалло. М., 2001. 864 с.
4. *Ситковская О.Д.* Уголовный кодекс Российской Федерации. Психологический комментарий. М., 2009. 109 с.
5. *Энциклопедия уголовного права*: В 35 т. Т. 4. СПб., 2005–2011.
6. *Цельникер Г.Ф.* Вина в российском уголовном праве: общетеоретический и исторический аспекты: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2004. 28 с.
7. *Немировский Э.Я.* Советское уголовное право. Части Общая и Особенная. Одесса, 1926. 368 с.
8. *Эстрин А.Я.* Уголовное право СССР и РСФСР. М., 1931. 136 с.
9. *Макашвили В.Г.* Волевой и интеллектуальный момент умысла // Советское государство и право. 1966. № 7. С. 104–111.
10. *Российское уголовное право: Курс лекций*: В 5 т. / Под ред. А.И. Коробеева. Владивосток, 1999–2001.
11. *Гилязов Ф.Г.* Вина и криминогенное поведение личности (уголовно-правовые, криминологические и социально-психологические черты). М., 1991. 144 с.
12. *Капинус О.С.* Мотивы и цели убийств. М., 2004. 312 с.
13. *Таганцев Н.С.* Русское уголовное право: лекции. Часть Общая: В 2 т. СПб., 1902.
14. *Рарог А.И.* Настольная книга судьи по квалификации преступлений. М., 2008. 224 с.
15. *Наумов А.В.* Мотивы убийства. Волгоград, 1969. 136 с.

Статья представлена научной редакцией «Право» 1 мая 2011 г.